

А. В. ГУРОВ

ЧЕРНЫЙ КОРШУН, ЧТО ТЫ ВЪЕШЬСЯ?..

ГУРОВ Андрей Вячеславович – кандидат биологических наук, научный сотрудник лаборатории техногенных лесных экосистем Института леса им. В. Н. Сукачева СО РАН (Красноярск)
Автор и соавтор 76 научных работ

Ключевые слова: черный коршун, птицы-падальщики, синантропность, поведение в городской среде.

Key words: black kite, vultures in general, synanthropy, behavior under the human settlement conditions

Остров Посадный на р. Енисей (Красноярск). Фото. Д. Ефимова

© А. В. Гуров, 2012

*Черный коршун (*Milvus korschun* Gmel.) относится к семейству ястребиных (*Accipitridae*), отряду дневных хищных птиц (*Accipitres* или *Falconiformes*). От многих других ястребиных его отличает хорошо заметная «вырезка» на хвосте, которой настоящие ястребы похвастаться не могут. И вообще, он даже не черный, а скорее, коричневато-бурый сверху и рыжеватый снизу*

«Черный ворон, черный ворон, что ты вьешься надо мной?» Вообще-то вороны не вьются, как, впрочем, и коршуны – просто в песне так сложилось. Это мошкара вьется, да и то не каждая. А коршуны в поиске красиво кружат, планируя и описывая широкие круги. Они почти постоянно в поиске, как и многие другие «собратья по перу», крупные хищные птицы.

Надо сказать, среди хищников немало тех, кто в природе охотно кормится падалью. Это и понятно: выслеживание и поимка живой добычи нередко требуют значительных энергетических затрат, а с падалью проще – время и силы уходят исключительно на поиск.

Черный коршун
во всей красе

И это только кажется, что падаль можно отыскать где угодно: как и всякая полезная вещь, она на дороге не валяется. Найти ее можно далеко не всегда и не везде. И чаще, например, не в чистом поле, а вдоль автомобильных дорог, что вполне объяснимо. Или по берегам рек и других водоемов, где попадают мертвые земноводные и снулая рыба. Тут главное – найти, а на поимку силы уже не тратятся. А если парят высоко и накручивают круги, значит, все еще не нашли...

Сравнительно слабые лапы с короткими пальцами не делают черного коршуна удачливым охотником за активной, здоровой добычей, хотя птенцов он, по возможности, и уносит в качестве добычи. Однако в норме предпочитает питаться всякой мелочью, снулой рыбой, падалью и даже отбросами (Сыроечковский, Рогачева, 1980).

Кстати, отбросы отбросам рознь. Есть совсем несъедобные, есть невкусные, есть очень даже ничего, а бывают и совершенно непонятные. Например, «отбросы человеческого общества». Человек вообще мастер по изобретению самых различных отбросов и чемпион по объему их производства. Изобретательность человека в данном плане поистине велика, что иллюстрируется, например, уникальным по широте охватом использованием слова «бросать». Начиная с самого простого варианта этого глагола, а затем лишь чуть-чуть усложняя его форму, человек позволяет себе бросать в тайге и тундре отслужившую технику, забрасывать пашни и деревни,

бросать в реки загрязняющие вещества и подбрасывать соседям радиоактивные отходы. Параллельно он умудряется выбрасывать из головы «ненужные мысли», а на улицу – домашних питомцев и даже себе подобных. При этом человек постоянно пытается отбросить от себя обвинения в ошибочности своих действий, а самое главное – в бездумном расточительстве, указывая на то, что он же ничего не вбрасывает зря, как мяч в плохую игру, а бережет для будущих поколений. В целом, отбросов много, всем хватит.

Что касается черного коршуна, то при всем изобилии форм антропогенного «бросания» его занимают, конечно же, доступность и объем пищевых отходов, столь характерных для мест скопления людей. Неудивительно, что уже в специальной литературе середины прошлого века указывалось, что в Африке и Южной Азии эта птица часто держится в поселениях человека (Дементьев, 1970). А в традиционной русской литературе черный коршун, будучи постоянным посетителем сел и деревень, издавна и неизменно фигурирует в качестве грозы цыплят и насекомых, прозываясь даже «цыплятником».

Падальщики, в общем-то, те же санитары и мусорщики. Через эту свою «биосоциальную» роль они нередко ведут себя как синантропы, то есть сожители или спутники человека, который явно нуждается в подобных услугах. Достаточно вспомнить про ворон и сорок, чьи гнезда в наше время весьма проблематично отыскать на удалении от человеческого жилья с его отбросами. И такие связи усиливаются и усложняются, принимая порой самые причудливые формы.

В праздники, как известно, народ более рассеян и щедр, а потому неаккуратен и расточителен. А свадьба, например, это такой праздник, такой!... Может быть, единственно настоящий за всю жизнь. И его хочется устроить именно во дворце. И чтобы все было как у людей: и невеста вся в белом, и гости с цветами, и шампанское с фуршетом, и фото во всех возможных местах и позах, иногда даже с выпуском ручных белоснежных голубей...

И есть такая возможность, есть! Центральный Дворец бракосочетаний в г. Красноярске выходит фасадом на красивую набережную Енисея. Сверху открывается захватывающий вид: могучая река, острова, лесистые горы за рекой, зеленая набережная простирается террасами до самой воды и вдобавок смотровая площадка с белоснежной колоннадой неподалеку. Скорее туда, с террасы на террасу, от одной запланированной там-дой и фотографом площадки до другой.

Остановка: позы – просто молодожены, они со свидетелями, молодые со всеми, потом короткая речь, пробки и аплодисменты под нехитрую или хитрую закуску. И все впопыхах, ибо время действительно дорого, а настоящий праздничный стол уж точно не за горами

на той стороне. И если что-то вдруг упало, «уронилось» под ноги на зеленый газон, особенно из закусочки, то это не беда: срабатывают праздничные рассеянность и щедрость от избытка...

А напротив, за протокой, – остров со старинным названием Посадный, с рощей из старых высоких тополей. Этот островок в центре города и сам по себе интересен, но замечательнее всего гнездящаяся на нем мудрая пара черных коршунов. Мудрая, поскольку начала осваивать практику собирания объедков с барского праздничного стола.

То, что праздники бракосочетания приурочены, как правило, к пятницам и субботам, птицам, конечно, невдомек. Зато наличие экстраординарного людского муравейника, в круговерти которого то и дело мелькают «женщины в белом», является для них «приглашением к столу». Каждые полчаса парадные двери дворца с четкостью хорошо отлаженного механизма выплывают на набережную очередную праздничную, рассеянную и расточительную группу друзей и родственников, вьющихся вокруг молодоженов.

И каждые полчаса потенциальные запасы любителей объедков пополняются и обновляются. Праздник закончится, пернатые санитары, четвероногие и двуногие мусорщики похозяйничают и приберутся на газонах, а коршуны улетят ночевать на свой остров. До следующей пятницы они будут патрулировать другие участки

и лишь изредка, словно бы на всякий случай, навещать свой пустующий до времени банкетный зал.

...А пока праздник в разгаре, гуляющие смотрят по сторонам, критически оценивая красоту невест, мужественность женихов и пышность кортежей. Нет чтобы поднять глаза к небу, чтобы увидеть незамысловатый воздушный танец и критически оценить предприимчивость пернатых гостей праздника.

Правда, если такое и произойдет, то, скорее всего, закончится вопросом типа: «Черный коршун, что ты вьешься над моею головой?..» Разумеется, спрашивающему невдомек, что коршуны, даже самые мудрые, не вьются. Они просто красиво кружат, планируя и описывая в воздухе широкие круги.

Литература

Бахтин Р.Ф. и др. Экология синантропной популяции черного коршуна в окрестностях Бийска, Алтайский край, Россия // *Пернатые хищники и их охрана*. 2010. № 20. С. 68–83.

Дементьев Г.П. Отряд дневные хищные птицы (Accipitres, или Falconiformes) // *Жизнь животных. В 6-ти томах. Т. 5. Птицы*. М.: Просвещение, 1970. С. 158–197.

Сыроечковский Е.Е., Рогачева Э.В. *Животный мир Красноярского края*. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1980. 359 с.

Группа черных коршунов на берегу. Верхний Енисей.
Фото Д. Ефимова

